

Классную доску и учительницу начальных классов Надежду Ивановну списали одновременно. Первую — как морально устаревшую, а вторую... да, в общем-то, тоже, хотя слов таких при этом никто не говорил. Просто предложили написать «по собственному», в связи с уходом на пенсию, ясно дав понять, что любое сопротивление бесполезно.

Такой резкий поворот событий обеих уволенных застал врасплох. Еще накануне утром они готовились к предстоящему ремонту и ни о чем таком — ни сном, ни духом. И даже в обед, когда в класс зашли трое: директриса, завуч и папаша нового ученика, несколько дней назад записанного в класс Надежды Ивановны, — ни у нее самой, ни у школьной доски, дамы тоже опытной во всех отношениях, нигде ничего не екнуло.

Конечно, неприятно было, что мужчина прошел не поздоровавшись, но, судя по тому, как лебезило перед ним школьное на-

чальство, возмущаться по такому пустячному поводу не стоило. Тут дело явно пахло серьезной спонсорской помощью в ремонте класса, а возможно, и школы.

Папаша новенького деловито огляделся и скептически хмыкнул. И сразу же, как по отмашке, директриса и завуч на два голоса заныли о катастрофической нехватке выделяемых средств.

— Значит, так, — прервал их горестное квохтанье мужчина, — в понедельник пришлю рабочих, сделают ремонт. Мебель, я смотрю, тут новая, а доску заменим на интерактивную и компьютеры установим...

Вот тут Надежда Ивановна и встряла. С дури, конечно, по-другому не скажешь.

— Компьютерами пользоваться наши дети теперь с пеленок умеют, а красиво и грамотно писать...

Папаша глянул на нее, как на пустое место, и вышел, по обыкновению, не дослушав. Начальство покопотило за ним. И уже где-то через час Надежде Ивановне нашлась замена: симпатичная, молодая и перспективная. Интерактивная доска и прочее ожидалось чуть позже.

Вот так начались каникулы у двух заслуженных на ниве народного образования трудяг. Обе были в шоке, не знали, что и думать, а уж тем более делать. Поэтому первая половина лета прошла у них в обидах и терзаниях.

Но понемногу обиды улеглись и терзания поутихли. Классная доска, стоя в школьной кладовке, постепенно покрывалась пылью, а Надежда Ивановна почти уже уговорила себя, что с выходом на пенсию жизнь не кончается. Еще немного — и одна из них превратилась бы в банальный кусок фанеры, а вторая стала бы безликой старушкой-пенсионеркой.

Но, видно, не суждено было. Судьба в один миг опять сделала крутой поворот, столкнув их на школьном дворе.

Да-да, судьба! Иначе, как объяснить, что именно в тот день, когда Надежду Ивановну позвали, наконец-то, получить расчет, завхозу пришла светлая мысль увезти списанную доску к себе на дачу.

Старшеклассники как раз помогали грузить ее в школьную ГАЗельку. Тут-то к ним и подошла Надежда Ивановна. Свою до-

ску узнала сразу, а дальнейшую судьбу ее прочитала в бегающих глазках завхоза. Глядя прямо в эти глазки, она и сказала строго, не допускающим возражений тоном:

— Парамонов, — для других он, может, и уважаемый Виктор Николаевич, а для нее, как был Парамоновым из четвертого «б», так навсегда и останется, — доску я забираю!

— Так а-а-а... — может, для кого-то Надежда Ивановна и стала просто старушкой-пенсионеркой, а для него, завхоза из четвертого «б», как была первой учительницей, так навсегда и останется. — Ну-у, как скажете!

Если бы в этот момент кто-нибудь спросил Надежду Ивановну, зачем она это делает, то вряд ли добился бы внятного ответа. Мысль, что если надписи на стенах и заборах, мелом и от руки, сменяются граффити по трафарету, то учителя не имеют права сидеть сложа руки, пришла и легла в основание стройной системы доводов, объясняющих ее поступок, намного позже. Тогда же на школьном дворе, действуя по наитию, ни о чем таком она и думать не думала. Ей важно было только забрать свою доску, что она и сделала. И несмотря на то что доска почти полностью перегородила самую большую комнату в ее крохотной квартирке, Надежда Ивановна весь вечер бочком ходила вокруг своего трофея, заботливо протирая и о чем-то радостно грезя. Доска же, поблескивая влажной поверхностью, просто была счастлива. И обоим в этот вечер будущее уже не казалось таким смутным.

Вторая половина лета получилась у них не менее волнующей, чем первая — сплошные хлопоты и переживания, причем далеко не всегда приятные.

Доску, например, школьный трудовик распилил на три части. Одну часть прибил на стену, а из остального сделал две небольшие парты. Нет, это было не больно. Все обошлось благополучно, у трудовика и правда были золотые руки.

А Надежда Ивановна целыми днями носилась по каким-то, как она говорила, инстанциям, после чего пила корвалол, отлеживалась, потом садилась за стол и писала красивым каллиграфическим почерком объявления, предлагая свои услуги по подготовке к школе и репетиторству. Расклеивала она их ближе к вечеру, когда наступали первые сумерки, — стеснялась, наверное.

У нее были, конечно, опасения: получится — не получится... Но и тут все закончилось благополучно, и первого сентября Надежда Ивановна для своих новых учеников привычно вывела на доске дату и тему урока: «Как я провел лето». Доска хмыкнула под жирной меловой точкой, потом расслабилась и приготовилась слушать. Писать эти ребятишки еще не умели, но они с Надеждой Ивановной их быстро научат, уж что-что, а это всегда — пожалуйста.